

Ирина Александровна ПОДТЕРГЕРА

Институт славистики Гейдельбергского университета
им. Рупрехта и Карла (Германия, Гейдельберг)
irina.podtergera@slav.uni-heidelberg.de

Смоленская грамота 1229 года в научном освещении

1. Идея *ad fontes* в медиевистике, как и вообще в современных гуманитарных науках, подразумевает не только работу с объектами исследования — источниками в прямом смысле слова, но и критическое изучение истоков распространенных интерпретаций. Авторитет письменного слова, который зачастую наблюдается в современном научном дискурсе, в определенном смысле напоминает характерную для средневековой книжности *traditio auctoritatis*. В современной науке укоренилась привычка рецитировать друг друга, которая ведет к тому, что в лабиринте рецитаций теряется историческая перспектива развития научных идей, а также подвергается искажению содержание первоисточника. Этот феномен наблюдается, в частности, в научной традиции исследования Смоленской грамоты 1229 г.

Смоленская грамота представляет собой один из ранних международных договоров, оформленных согласно западноевропейскому формуляру грамот [Литвина 2002; Подтергера 2021]. Вопрос о ее иноязычных оригиналах уже более двухсот лет занимает филологов, историков и лингвистов. Недавно было высказано мнение, что хронологически более ранними следует считать списки рижской редакции, которые восходят к латинскому оригиналу, тогда как при работе над готландской редакцией, самый ранний список которой, список А, следует датировать 1284 годом, был использован оригинал на средне-нижненемецком языке [Петрухин 2012а; 2012b; Petrukhin 2013]. Несмотря на то что не все разделяют это мнение, оно находит все больше подтверждений [Подтергера 2021]. Исследователи XIX – сер. XX в. иначе представляли себе ход событий. Тем не менее они предложили ряд интерпретаций, которые достойны серьезного внимания. Однако с сожалением приходится констатировать, что работы предшествующих исследователей, а особенно работы на немецком языке, несмотря на многочисленные ссылки на них, пересказываются сегодня с большим количеством неточностей. Кроме того, оказались забытыми идеи, в ряде случаев не только интересные с точки зрения истории вопроса, но и имеющие первостепенное значение для адекватного понимания первоисточника.

Это обстоятельство побудило нас представить аналитический обзор научной литературы о Смоленской грамоте, сделав акцент на вопросе о ее иноязычных оригиналах.

2. Эвальд С. Тобин¹ категорически настаивал на том, что договору 1229 г. предшествовал договор 1228 г.:

[Es] ist entschieden die Ansicht zu verwerfen, als sei nur *ein* Tractat zwischen Riga und Smolensk, und zwar im Jahre 1228 oder 1229 geschlossen worden, es ist vielmehr in einem *jeden* der genannten Jahre ein Vertrag zu Stande gekommen, und nur je nachdem man von den hierüber vorhandnen Urkunden nur die eine, oder die andere in's Auge gefasst hatte, ist entweder das Jahr 1228, oder das Jahr 1229 als das, der Vereinbarung bezeichnet worden [Тобин 1845: 44] (курсив Тобина. — *И. П.*).

‘Следует решительно отказаться от мнения, что будто бы был заключен только *один* договор между Ригой и Смоленском, а именно в 1228 или в 1229 году; гораздо более вероятно то, что в *каждом* из названных годов заключалось по договору; и только в зависимости от того, какую из имеющихся [в Рижском городском архиве. — *И. П.*] грамот мы рассматриваем, можно определить год заключения договора: он обозначен как на одной, так и на другой грамоте’.

Датировка 1228 г. объясняется невнимательным прочтением эсхатокола списка А, в котором говорится, что к моменту заключения договора прошли 1.228 лет. Это число, понятое как точная дата, перешло — именно как дата — также в архивную помету, сделанную писцом XVII в. (ср. [СмолГр.: 52, 55]). Однако уже Эрнст (Арист Аристович) Куник понимал 1228-й год договора как прошедший:

[...] die Abschliessung des Vertrages auf Gothland selbst wird gegen den Schluss der Urkunde A ausdrücklich in das Jahr gesetzt, welches auf das bereits *verflossene* Jahr 1228 folgte [...] [Куник 1868: 407] (курсив Куника. — *И. П.*).

‘Заключение договора на самом Готланде ближе к концу списка А четко относится к году, который следовал за уже истекшим 1228-м годом’.²

Этого же мнения придерживался Леопольд К. Гётц [Goetz 1916: 294]. П.В. Петрухин, приняв во внимание аргументацию Гётца, подтвердил датировку договора Мстислава Давыдовича 1229 г. лингвистическими данными. Он обратил внимание на то, что при упоминании прошедших 1.228 лет в восточнославянском тексте воспроизводится форма немецкого плюсквамперфекта, свидетельствующего о том, что договор заключался в следующем году после того, как уже прошли 1.228 лет, а значит, в 1229 году; кроме того, Петрухин констатировал, что в древнерусском переводе плюсквамперфект употребляется в нетипичной для древнерусского языка функции [Петрухин 2012а: 484–485]. То, что Мстислав Давыдович инициировал заключение договора в 1229 г., под-

¹ Начиная с очевидной опечатки у А. А. Куника [Куник 1868: 412], в исследовательской литературе работа Тобина цитируется под 1844 г. (см., например, комментарии Т. А. Сумниковой в [СмолГр.: 18, прим. 18]; и мн. др.). Однако изданный Тобином сборник вышел в 1845 г.

² Куник (вслед за Ф. А. Бунге [Bunge 1853: 27 (Reg.)]) приводил одновременно еще один аргумент. Он объяснял разницу в обозначении дат следованием разным календарным традициям: январскому началу года по юлианскому календарю и мартовскому, благовещенскому стилю (Куник называл его *Marienjahr*) [Куник 1868: 407]. То же объяснение принято у Борковского [Борковский 1944: 33], Зимина [Зимин 1953: 84] и в издании смоленских грамот [СмолГр.: 18] (ср. [Петрухин 2012а: 484–485, здесь особенно прим. 16]).

тверждается упоминанием в начале текста факта смерти епископа Альберта в год заключения договора (А: lin. 2–3)³. Достоверно известно, что Альберт фон Буксхеведе умер 17 января 1229 г. (по юлианскому календарю) [Bunge 1853: 27 (Reg.); Kunik 1868: 407; Goetz 1916: 233; Зимин 1953: 76]. Сегодня больше никто не сомневается в том, что смоленский торговый договор с Ригой и Готским берегом был изначально заключен в 1229 г.

Из предложенного Тобином описания списков⁴ следует, что под «договором 1228 г.» он понимал списки готландской редакции, а под «договором 1229 г.» списки рижской редакции [Tobien 1845: 44–49]. При этом Тобин подчеркивал, что оба договора настолько различны, что их невозможно считать вариантами одного и того же текста [Tobien 1845: 46] (ср. [СмолГр.: 18, прим. 2]). Чтобы доказать это, Тобин предложил сопоставительный анализ содержания обеих редакций и синоптическое издание списков А и D с различиями по остальным спискам [Tobien 1845: 49–53, 54–72].

В исследовательской литературе встречается мнение, что «Э. С. Тобин полагал, что русский текст договора был переведен со средненижнемецкого или латыни человеком, плохо владевшим русским языком» [Петрухин 2012а: 489] (ср. то же в [Bratishenko 2002: 345, 359]). Однако заметим, что Тобин вообще не высказывался о языковых компетенциях составителей договора или договоров и в качестве иноязычного источника обеих редакций допускал только латинский текст, не упоминая ни слова о возможности немецкоязычного оригинала. Вывод о существовании латинской версии договора Тобин сделал на основании изданного Иоганном Готфридом Арндтом в 1747 г. немецкого перевода хроники Генриха Латыша (Генриха Латвийского) «*Origines Livoniae sacrae et civilis*» и ссылок на издание Арндта в работах историка Ливонии Фридриха Конрада Гадебуша. (Латинский текст хроники был впервые опубликован в 1740 г. Иоганном Даниэлем Грубером.)

Bereits *Joh. Gottfr. Arndt*, der Verdeutscher der Chronik *Heinrichs des Letten*, des ältesten Chronisten Livlands, und mit dessen Worten *Gadebusch*, — berichteten bei dem Jahre 1228: «In diesem Jahre erhielt die Stadt Riga in russischer und lateinischer Sprache ein her(r)lich Handelsprivilegium, welches des Königs David in Smolensko Sohn Mscislaus, im Namen der Könige von Polocz(k) und der Reussen in Witebeck, unterzeichnet hatte». So wichtig nun für die Erläuterung des Inhaltes der Verträge, der lateinische Text wäre: so ist doch jede Nachforschung zur Ermittlung desselben vergebens gewesen [Tobien 1845: 44] (курсив Тобина. — *И. П.*).

‘Уже И. Г. Арндт, переводчик на немецкий язык хроники Генриха Латыша, древнейшей ливонской хроники, а вслед за ним Гадебуш, сообщали под 1228

³ Список А цитируется по изданию [Treaty] с указанием в круглых скобках литеры А и после двоеточия соответствующих строк. Поскольку мне была доступна лишь вступительная статья издания [Иванов, Кузнецов 2009], ссылки на остальные списки будут делаться по изданию [СмолГр.]. В круглых скобках приводится латинская литера (в зависимости от цитируемого списка), после двоеточия указываются строки. Все цитаты были сверены с приложенными к изданию [СмолГр.] факсимиле.

⁴ Первое описание списков договора исследователи приписывают Кунику [СмолГр.: 19]. Однако Тобин также предложил описание списков, хотя и не такое обстоятельное, как у Куника, но тем не менее достаточно подробное [Tobien 1845: 46–49].

годом: «В этом году город Рига получил великолепную торговую привилегию на латинском и русском языке, которую смоленского короля Давыда сын Мстислав подписал от имени полоцкого короля и русов Витебска». Как бы важен ни был латинский текст для объяснения содержания договоров, все попытки найти его оказались безуспешными.»

Пассажа, на который ссылается Тобин, в тексте хроники нет. Тобин пользовался немецким переводом хроники, восходящим к очень ненадежному изданию Грубера, в котором была нарушена хронология и запутаны события (см. об этом издании предисловие С. А. Аннинского в [ГЛат.: Введение])⁵. По мнению Куника, не исключено, что источником неправильного сообщения был немецкий перевод Арндта: «Woher hat Arndt seine Nachricht von der Existenz eines *lateinischen Textes?*» [Kunik 1868: 408] («Откуда взял Арндт сообщение о существовании латинского текста?»). Куник допускал в данном свидетельстве чистую комбинацию со стороны Арндта [Kunik 1868: 409].

Дело в том, что хроника Генриха Латвийского доведена только до 28/29-го года епископства Альберта фон Буксхеведе, т. е. до 1227 г. [ГЛат.: Содержание Хроники]. Повествование завершается еще при жизни Альберта, тогда как в Смоленской грамоте утверждается, что епископ Альберт уже умер. Генрих Латвийский действительно упоминает факт заключения договора между Смоленском и Ригой (см. также [Кучкин 1966: 103, 105]), но под 1222 г.:

Тогда король смоленский (de Smalenska), король полоцкий (de Polosceke) и некоторые другие русские короли отправили послов в Ригу просить о мире. И возобновлен был мир, во всем такой же, какой заключен был уже ранее [ГЛат.: 24-й год епископства].

Под 1210 г. Генрих рассказывает о заключении вечного мира между полоцким князем и рижанами, упоминая при этом посла из Смоленска «Лудольфа, разумного и богатого человека» [ГЛат.: 12-й год епископства; ср. Борковский 1944: 28]. О том, что эти договоры заключались на латинском языке, не говорится ни слова. Таким образом, процитированное Тобином свидетельство не находит подтверждений в тексте хроники.

Значительный интерес представляют наблюдения Тобина о вступительной части Смоленской грамоты. Мы приведем их полностью, поскольку они существенно важны для решения вопроса об иноязычных оригиналах грамоты:

Die [...] Einleitung beginnt in dem Tractate von 1228, wie in den Verträgen mit den Griechen, mit einer Aufzählung der Gesandten, und einer Versicherung des ewigen Bestehens des Friedens, u. s. w., zugleich aber mit der, auch in Lateinischen Urkunden dieser Zeit sich findenden Anerkennung der *Vergänglichkeit des Zeitlichen*, und die ersten Worte sind offenbar eine Uebersetzung des: Quum ea, quae fiunt in tempore, labuntur in tempore. Abweichend gleich in diesen ersten Worten, beginnt der Tractat von 1229 etwa mit einer Uebersetzung des, gleichfalls in Lateinischen Ur-

⁵ Печатное издание русского перевода хроники, выполненного С. А. Аннинским, мне, к сожалению, было недоступно, поэтому я пользовалась цифровой версией текста на сайте <livonia.narod.ru/...> (см. [ГЛат.]). В цифровой версии не сохранено разделение текста на страницы, как в печатном издании. Поэтому при цитировании я ссылаюсь на соответствующие главы.

kunden des Mittelalters vorkommenden Satzes: Si quid memorabile temporaliter agitur, ad successive posteritatis memoriam scriptorum testimonio transferatur. Ja die Worte: Къ кому си грамота придетъ, welche offenbar zu dem Vorhergehenden gehören, sind von demselben durch 4 Punkte im Kreuze und durch ein grosses K getrennt worden, vielleicht weil der Abschreiber diese Worte für den Anfang eines neuen Satzes gehalten, und ihm wol der ähnlich lautende Anfang anderer, namentlich Lateinischer Urkunden vorgeschwebt haben mag, wie z. B. Universis [...] praesentem paginam inspecturis oder: Omnibus hoc scriptum visuris vel audituris etc. [Tobien 1845: 49–50]; (курсив Тобина. — *И. П.*).

‘Вступление в договор 1228 г. начинается, как в договорах с греками, перечислением послов, заверением вечно сохранять мир и т. д., но одновременно и признанием скоротечности [или, скорее, непостоянства. — *И. П.*] времени. Такие признания можно найти в латинских грамотах того времени. И первые слова очевидно представляют перевод выражения: «Quum ea, quae fiunt in tempore, labuntur in tempore». Отличаясь уже этими первыми словами, договор 1229 г. начинается с перевода предложения, которое также встречается в средневековых латинских грамотах: «Si quid memorabile temporaliter agitur, ad successive posteritatis memoriam scriptorum testimonio transferatur». Ну а слова: «Къ кому си грамота придетъ», которые очевидно относятся к предыдущей части текста, отделены от нее четырьмя точками в кресте и заглавной буквой К; наверное, потому что переписчик посчитал эти слова за начало нового предложения и, возможно, думал о подобно звучащих началах в других, а именно латинских, грамотах, как, например: «Universis [...] praesentem paginam inspecturis» или «Omnibus hoc scriptum visuris vel audituris etc.».’

Итак, Тобин объясняет разницу в экзордиуме готландской и рижской версий договора тем, что тексты были сориентированы на различные латинские оригиналы.

Тобин не был первым, кто обратил внимание на соответствие вступительной части Смоленской грамоты формулировкам латинских средневековых грамот. Он ссылается на вышедшее еще в 1816 г. (русский перевод — 1819 г.) исследование Аарона Христиана Лерберга, указавшего на возможные латинские параллели к начальным формулам готландской редакции текста, которую Лерберг также датировал 1228 г.:

[...] мирный и торговый договоръ на Славенскомъ языкѣ, заключенный въ 1228 г. (въ которомъ умеръ Рижскій епископъ Албрехтъ) на островѣ Готландѣ между двумя послами Кн. Смоленскаго (изъ коихъ одинъ былъ ученый священникъ) и между Рижскими и Балтійскими мореплавателями [*так!*], начинается формою, которая въ Латинскихъ тогдашняго времени грамотахъ очень часто выражается такъ: *Quum ea, quae fiunt in tempore, labuntur in tempore* и проч. — Вѣрно договоръ сей существуетъ еще и на Латинскомъ языкѣ (см. АЛХ. II,23 [ср. в нем. тексте: s. Arndts Liefländ. Chronik II.23. — *И. П.*]); да и вообще кажется намъ по самому существу дѣла, что договоры, заключаемые между Руссами и западными Европейцами, сочинялись по Русски и по Латынѣ вмѣстѣ, какъ то же самое дѣлалось прежде при договорахъ съ Греками, кои писались по Русски и по Гречески [Лерберг 1819: 216, прим. 1] (ср.: [Lehrberg 1816: 263]).

Показательно, что Лерберг свои предположения о существовании латинского текста договора также делает со ссылкой на хронику Генриха Латвийского в компилятивном переводе Арндта.

Приведенные Лербергом и Тобином латинские параллели представляют интерес в том числе для современных исследований (см., например, [Литвина 2002]). Кроме того, Тобин разбил текст договора на статьи, пронумеровав их и сделав внутреннее деление на параграфы. Предложенная им нумерация значительно облегчает работу с текстом и до сих пор воспроизводится в изданиях договора.

3. Значительным этапом в изучении Смоленской грамоты стало приложение Куника к вышедшему *postum* изданию Карла Эдуарда Напьерского «Русско-ливонские акты»⁶. Куник, как мы знаем, выделил две редакции договора: готландскую и рижскую, полагая, что обе редакции датируются 1229 г. и отличаются друг от друга «mehr in formeller als in materieller Hinsicht» [Kunik 1868: 410] («в большей степени формально, чем по существу»). К Кунику же восходит принятое до сегодняшнего дня обозначение списков латинскими литерами *A, B, C* и *D, E, F* [Kunik 1868: 410; Зимин 1953: 54].

Список *A*, по мнению Куника, содержит готландскую версию договора, которая в 1229 г. была окончательно принята во время переговоров в Висбю, но записана на пергамен в Риге или Смоленске, что, на взгляд Куника, подтверждают особенности написания немецких городов при именах свидетелей договора [Kunik 1868: 411], ср. (*A*: lin. 95–100). При этом Куник не считает список *A* оригиналом договора, а исходит из того, что оригинал был составлен на иностранном языке и затем переведен на древнерусский язык, но:

Die Frage, in welcher Sprache der Vertrag ursprünglich aufgesetzt wurde, lässt sich nicht mit völliger Sicherheit bestimmen. Das auf uns gekommene russische Exemplar der gothländischen Redaction kann seiner ganzen Fassung nach durchaus nicht als Original im eigentlichen Sinne betrachtet werden, sondern erweist sich offenbar als eine zum Theil sehr unbeholfene Uebersetzung aus einer andern Sprache [Kunik 1868: 408].

‘На вопрос, на каком языке был изначально составлен договор, невозможно ответить с полной уверенностью. Дошедший до нас русский экземпляр готландской редакции как целое не может рассматриваться как оригинал в собственном смысле слова, но, очевидно, представляет собой отчасти весьма неуклюжий перевод с другого языка.’

⁶ В ряде современных публикаций делаются ссылки не на Куника, а на Напьерского, которому приписываются результаты исследований Куника. Однако следует принимать во внимание, что в вышедшем после смерти Напьерского издании русско-ливонских актов приложение с публикацией текстов и исследованием Смоленской договорной грамоты, а также так называемой грамоты неизвестного князя принадлежит Кунику [Kunik 1868]. Его авторство оговаривается в составленной от имени Археографической комиссии, но, надо думать, при его личном участии, двуязычной (русско-немецкой) вступительной статье к изданию [Napierky 1868: XX (рус.), XI (нем.)]. Комментарии самого Напьерского к двум спискам Смоленской грамоты с публикацией текстов и переводами опубликованы на стр. 2–4 эдиционной части издания. Лаконичный и во многом корректный обзор взглядов Куника приводится в статье Борковского [1944: 35–38].

В том же 1229 году, по Кунику⁷, возник список D, представляющий рижскую редакцию договора [Kunik 1868: 410, 414–415]. Вопрос, почему в том же году понадобилась новая версия договора, Куник оставляет открытым:

Welche Motive noch im Laufe des J. 1229 [...] zur Ausarbeitung eines neuen Textes Veranlassung gaben, lässt sich nicht mehr genau ermitteln. Schwerlich reicht zur Erklärung davon die Annahme aus, dass man den unbeholfenen Stil der gothländischen Redaction verbessern und die einzelnen Satzungen genauer systematisiren wollte, obgleich man einräumen muss, dass in jener die Aufeinanderfolge einiger Artikel etwas unnatürlich ist [Kunik 1868: 410].

‘Больше невозможно установить с точностью, что дало повод для создания еще в течение 1229 г. [...] нового текста договора. Очень трудно вообразить, что причиной было стремление улучшить неуклюжий стиль готландской редакции и точнее систематизировать отдельные положения [договора], хотя мы должны признать, что следование статей в готландской редакции выглядит несколько неестественно.’

Заметим, что Куник тем самым развивал предположения, высказанные в комментариях к договору в издании Фридриха Георга (Федора Андреевича) фон Бунге, на которого Куник регулярно ссылается. Бунге не соглашался с Тобином в том, что перед нами два договора, а не один, и датировал обе версии летними месяцами 1229 г., предполагая, что они представляют собой два самостоятельных перевода одного подлинника «oder — wenn man lieber will — Bearbeitungen des Originalentwurfes [...], welcher Lateinisch oder Deutsch abgefasst war» [Bunge 1853: 27 (Reg.)] (‘или — если для кого-то это более предпочтительно — две редакции чернового оригинала [...], который был составлен по-латински или по-немецки’). Необходимость параллельной публикации обеих версий текста в своем издании Бунге объяснял тем, что оба текста «sich mitunter gegenseitig zur Erklärung dienen» [Bunge 1853: 28 (Reg.)] ‘иногда взаимно объясняют друг друга’.

Dem Inhalt nach stimmen beide Texte, abgesehen von wenigen Zusätzen, welche Text II. enthält, ganz mit einander überein, ja es werden dieselben Gesandten der contrahierenden Theile, ja sogar dieselben Zeugen in beiden aufgeführt. Der Text I. ist aber in unbeholfener Sprache und überhaupt hin und wieder fehlerhaft, daher auch wohl lückenhaft, geschrieben, während die Sprache im Text II. eine weit fließendere und der ganze Text ein mehr correcter, daher auch vollständiger ist. Beides erklärt sich [dadurch], dass jeder der beiden Texte eine selbständige Uebersetzung enthält, womit denn auch die Annahme, dass beide Urkunden verschiedene, um ein

⁷ Сумникова в комментариях к изданию упрекала Куника в том, что он не пытался «определить время, к которому относится каждый из [списков]» [СмолГр.: 19]. Однако этот упрек абсолютно неоправдан. При описании списков Куник обосновывает датировку каждого из них. Список В он датирует временем Александра Глебовича, а именно примерно 1300 г. [Kunik 1868: 413–414]. Список С Куник считает более поздним по сравнению с В, о чем свидетельствует его орфография [Kunik 1868: 414]. В отношении датировки списка Е Куник, судя по всему, не был уверен, но при этом замечает, что он был изготовлен явно не просто как копия, и обращает в этой связи внимание на приписку о татарах [Kunik 1868: 416]. Список F Куник склонен относить к XIV в. на основании орфографических признаков [Kunik 1868: 416–417].

Jahr auseinanderstehende Verträge betreffen, durchaus hinfällig wird [Bunge 1853: 27–28 (Reg.)].

‘По содержанию оба текста, за исключением небольшого числа дополнений, содержащихся в тексте II, полностью совпадают друг с другом. В обоих текстах действительно называются те же самые посланники договаривающихся сторон и даже те же самые свидетели. Но текст I написан на неуклюжем языке, содержит по местам ошибки и потому, вероятно, неполный, тогда как язык текста II гораздо более гладок, а весь текст более корректен и потому более полон [по содержанию]. Как одно, так и другое объясняется тем, что каждый из текстов содержит самостоятельный перевод. Тем самым весьма устаревшим выглядит предположение, что обе грамоты относятся к двум договорам, заключенным с разницей в один год.’

Таким образом очевидно, что Бунге, а не Тобин был тем исследователем, который выдвинул версию либо о латинском, либо о немецком языке подлинника и который охарактеризовал язык списка А как неуклюжий (не утверждая, тем не менее, что переводчик не владел языком, см. выше: 2.). Бунге, кроме того, первым привел языковые аргументы, свидетельствующие в пользу немецкого оригинала. Куник перенял эти аргументы и, как будет показано в дальнейшем, подкрепил новыми.

В поисках иноязычного оригинала Куник обратился к регистру Рижского городского архива, составленному «während oder nach der polnischen Herrschaft über Livland» [Kunik 1868: 408] (‘во время или после польского правления Ливонией’). С этим регистром уже пытался работать Тобин [Tobien 1845: 44–45 и др.]. Куник обнаружил в нем упоминания смоленских договорных грамот на немецком и латинском языках:

Anno 1228. Smolensker Recht mitt der Stadt Riga und Gottland vffgericht vff Pergamen, zwey exemplar «mitt hangenden Siegeln vnd eine Copey, Reussisch, nebst zweyen Versionen vff Teusch». Unter jenen «zwei Exemplaren» sind offenbar Text A und B des Vertrags und unter der russischen «Copey» Text C zu verstehen. Die zwei deutschen «Versionen» (oder niederdeutschen Originalentwürfe?) sind wohl schon seit längerer Zeit verschwunden. [...] «Anderweit Friedens Vertrag vnd Recht, zwischen Smolensko, Riga vnd Gothlandt, wornach man sich allerseits zu richten vnd mitt den Zölln zu halten, vff Pergamen, mitt vier anhangenden Siegelln etc. Lateinisch». Diese Urkunde hat sich im Archiv nicht erhalten [Kunik 1868: 408].

‘1228 год. Смоленская правда [Смоленский правовой договор. — *И. П.*] с городом Ригой и Готландом, записана на пергамене, два экземпляра, «с подвешенными печатями и одной копией, по-русски, наряду с двумя немецкими версиями». Под этими «двумя экземплярами» следует, по всей видимости, понимать списки А и В, а под русской копией — список С. Упомянутые две немецкие «версии» (или нижнемецкие черновики оригинала?), вероятно, уже давно пропали. [...] «Еще один мирный договор и правда [мирный и правовой договор. — *И. П.*] между Смоленском, Ригой и Готландом, которого следует придерживаться везде и всюду и который следует соблюдать при таможенных сборах; на пергамене, с четырьмя подвешенными печатями и т. д.; на латинском языке». Эта грамота не сохранилась в [Рижском городском] архиве.’

На основании записей архивного регистра Куник пришел к выводу, что если допустить, что все грамоты в регистре перечисляются в хронологическом порядке, то несохранившийся латинский договор между Ригой и Смоленском следует датировать периодом между 1250 и 1330 гг. [Kunik 1868: 409]. Протограф же договора 1229 г., по мнению Куника, не мог быть составлен на латинском языке. В пользу этого тезиса Куник приводит как прагматические, так и чисто лингвистические доводы.

Во-первых, он не без оснований утверждает, что во времена Мстислава Давыдовича в ливонских городах основным языком коммуникации («Hauptverkehrssprache») был нижненемецкий (см. описание языковой ситуации в Ливонии раннего периода истории Ганзы в [Peters 2012/1986: 280–283]). Переводчики восточнославянских князей, как новгородских, так и западнорусских, как полагает Куник, должны были владеть им. В качестве примеров таких переводчиков Куник приводит упомянутого в договоре 1229 г. Тумаша Смольнянина, в котором, судя по огласовке имени (Тумаш = нем. Thomas ≠ русс. Фома), трудно признать русского. «Тумаш», скорее всего, был осевшим в Смоленске переводчиком или переговорщиком с немецкими корнями, как и упоминаемый в хронике Генриха Латвийского Лудольф из Смоленска (см. 2.) [Kunik 1868: 409]. Контрагентом Тумаша Смольнянина при заключении договора, согласно тексту, был «божий дворянин» Ролфо · ис кашела (A: lin. 7). Куник указывает на то, что, судя по происхождению Рольфа — из Касселя — он должен был быть носителем гессенского диалекта, т. е. одного из верхненемецких диалектов, однако, находясь в ситуации постоянного контакта («in beständigem Umgange») с северонемецкими и вестфальскими членами Ордена рыцарей меча, он должен был понимать нижненемецкий язык [Kunik 1868: 409].

Во-вторых, язык договора 1229 г., по мнению Куника, также не дает веских оснований, из которых однозначно можно было бы заключить о существовании латинского протографа, но, наоборот:

Eher sprechen manche darin vorkommende Ausdrücke zu Gunsten der Annahme einer Uebersetzung des russischen Textes aus dem Niederdeutschen [...] [Kunik 1868: 409].

‘Некоторые встречающиеся в тексте выражения, скорее, говорят в пользу предположения, что русский текст был переведен с нижненемецкого языка.’

В качестве явных германизмов Куник вслед за Бунге называет:

- (1) титул *божий дворянин* как дословный перевод немецкого *Ridder Gots* или *Gottesridder* в отличие от латинского *frater militiae Christi*⁸ и
- (2) явную транслитерацию нижненемецкого *voget* как *фоготь* при обозначении должности рижанина Альбрехта (A: lin. 99). В списке D (lin. 156) эта должность дается в переводе: *алверь · соудия рижьськии* [Bunge 1853: 27; Kunik 1868: 409].

⁸ Этот аргумент тем более убедителен, что в латинской грамоте 1230 г. в качестве свидетеля упоминается тот же самый Рольф, но с латинским титулом — *Rudolphus de Cassele, frater militiae* [Kunik 1868: 409]; см. о нем комментарий в [Борковский 1944: 32, прим. 2].

Далее Куник обнаружил еще ряд германизмов:

- (3) Гидроним *Ostsee* буквально передается как *оустоко-море* в списке А (lin. 10) (см. ниже: 6).
- (4) Факт перевода немецких фамилий в списке D, на взгляд Куника, также заставляет предположить, что переводчик держал под рукой именно средне-нижненемецкий оригинал.
- (5) Наконец, датирующая запись сформулирована по немецкой модели, согласно которой в двузначных числах единицы называются перед десятками, т. е. восемь и двадцать: и ·ѿ· и ·ѿ· (А: lin. 92), что соответствует немецкому *achtundzwanzig*. В качестве дополнительного подтверждения Куник ссылается на подобное написание в одной из датированных 1328 г. грамот из Любека — *achtevndetwintich* и указывает на то, что в латинских текстах *octo et viginti* вместо ожидаемого *duodetriginta* встречается исключительно редко [Kunik 1868: 409].

В этом контексте особенно интересно наблюдение Куника над тем, что датирующая запись в списке D (lin. 145–146) соответствует словообразовательной модели именно латинских числительных: и ·ѿ· лѣтъ везъ лета т. е. *undetriginta*. Но при этом и в данном случае Куник не хочет исключать того, что родным языком писца был нижненемецкий, объясняя выбор формулировки тем, что писец мог находиться под влиянием латинских языковых моделей [Kunik 1868: 409].

- (6) Кроме того, Куник обращает внимание на употребление союза *коли* в датирующей записи: Коли са · грамота псана · ишлазъ взылъ ·: ѿ рѣтва гна · до сего лѣта [...] (А: lin. 92). Он предполагает, что это перевод нижненемецкого союза *wanne* или *wan* [Kunik 1868: 407]. Показательно, что в списке D это предложение сформулировано иначе: а си грамота написана взи · ѿ распатъа взыло [...] (D: lin. 144–145).

Куник также затрагивает вопрос о латинских параллелях к преамбуле грамоты, которые уже цитировались Лербергом и Тобином. Отказываясь обесценить возможные немецкие соответствия этих формул, Куник одновременно не сомневается в существовании таковых. Дополнительно он приводит еще одну очень близкую параллель, обнаруженную им в издании Бунге, — начало латинской грамоты, выданной Ригой любекским купцам в 1231 г. (Тобин [см. выше: 2.] только коротко ссылался на это место, известное ему, очевидно, по другим источникам):

Wie die Eingangsworte im niederdeutschen Original gelautet haben mögen, bleibe hier unerörtert, doch sei noch auf eine für die lübecker Kaufleute von der Stadt Riga ausgestellte Urkunde vom J. 1231 [Bunge 1853: 146] hingewiesen, weil sie derselben Zeit, wie der Vertrag von 1229 angehört und in ihr ein Zeuge: «Fredericus de Lubeke» erwähnt wird, der auch in dem Verträge vorkommt. Jene Urkunde beginnt mit den Worten: Universis Christi fidelibus, presentem paginam inspecturis, consules et cives rigenses perpetua pace gaudere. Quoniam ea, que aguntur in tempore, labuntur cum tempore et, nisi scriptis et testimonio roborentur, memoriis hominum facillime excidunt et mutantur; vnde notum esse uolumus presentibus et futuris, quod nos etc. [Kunik 1868: 417–418].

‘Мы не станем здесь обсуждать, как могли звучать вступительные слова нижненемецкого оригинала, тем не менее следует указать на грамоту, выданную городскими властями Риги любекским купцам в 1231 г. [текст опубликован в [Bunge 1853: 146]], поскольку она принадлежит тому же самому времени, что и договор 1229 г., и поскольку в ней упоминается один из свидетелей, Фредерик из Любека, имя которого также встречается в договоре. Грамота эта начинается словами «Ратманы и бюргеры Риги всем верующим во Христа, кто увидит [собственными глазами] настоящую грамоту: Радуйтесь в вечном мире! Поскольку то, что затевается в какое-либо время, исчезает со временем и, не будучи скрепленным на письме и [заверенным] свидетельством, с величайшей легкостью стирается из людской памяти и мутирует, потому мы хотим, чтобы стало известно сейчас живущим и будущим поколениям, что мы и т. д.»’.

Куник сомневается в том, что исследователям когда-либо удастся найти нижненемецкий оригинал договора. Тем не менее он полагает, что нет оснований сомневаться в его существовании: немецким купцам, не владеющим русским языком, должны были вручить, как думает Куник, именно немецкую версию договора [Kunik 1868: 409]. В качестве доказательства он ссылается на опубликованную Карлом Ширеном выписку из старинного перечня грамот, вывезенных шведами в 1621 г. в Стокгольм из архива Ливонского ордена в Митау (Елгава). В этой выписке значится договор между Смоленском, Ригой и Готландом, заключенный в Висбю в 1228, т. е., как мы уже знаем, в 1229 году [Kunik 1868: 409–410] (ср. вступительную статью в издании [Napierksy 1868: XXII, XXIII]):

Een lagh eller Commercie Stadga emillan Ryssarne, dhe Rigiske och Gothlandh, hwaruthi och finnes beskriwvat huru allehanda Criminalsaker affstraffade blifwa emillan samme lands inbyggjare. dat. Wisby. 1228 [Schirren 1860: 57]

‘Закон или торговый тоговор между Русью, Ригой и Готландом, в котором также описывается, как наказываются всякого рода правонарушения между жителями этих земель. Составлен в Висбю. 1228 г.’

Куник убежден, что в Стокгольме этот документ не сохранился [Kunik 1868: 410]. Язык договора в процитированной записи не обозначен: это могла быть как немецкая, так и латинская версия, а, может, даже еще одна восточнославянская копия. Тем не менее разыскания Куника показали, что есть документальные свидетельства, подтверждающие существование в том числе иноязычных версий договора, несмотря на то что сами эти версии нам пока что неизвестны. Приведенные Куником лингвистические аргументы в пользу нижненемецкого оригинала до сих пор сохраняют свою актуальность для изучения языковых особенностей готландской редакции договора.

4. Новое понимание иноязычных влияний на Смоленскую грамоту предложил П. В. Голубовский [1895: 110–170] (ср. [Борковский 1944: 38–39]). Его анализ основывался на результатах предшествующих работ и особенно работы Куника, однако ни одного из своих предшественников Голубовский сознательно не называл по имени. Его позиция:

Мы совершенно вновь рассматриваемъ вопросъ по первоисточникамъ и потому нигдѣ не полемизируемъ. Въ чемъ мы сходимся и расходимся съ нашими предшественниками, видно из самого текста нашей работы, а расходимся мы во многомъ [Голубовский 1895: 111, прим. 2].

Голубовский исходит из предложенного Куником разделения списков на две редакции [Голубовский 1895: 113]. Список А, по Голубовскому, «представляет собой дѣйствительный оригиналь Смоленской торговой правды» и, соответственно, является древнейшим, а потому и всю группу списков готландской редакции Голубовский предлагает считать древнейшей, рижскую же редакцию — позднейшей [Голубовский 1895: 116–117, 113–115]. (К слову сказать, он не пользуется обозначениями *готландская* и *рижская* редакции, но последовательно говорит о древнейшей и позднейшей редакциях.) Обсуждая происхождение списка D, он обращает внимание на иное написание имен тех же самых свидетелей заключения договора и приходит на этом основании к выводу, что список D является копией, списанной «съ оригинала, современнаго оригиналу Смоленской Правды, ибо иначе имена представителей городовъ были-бы другія» [Голубовский 1895: 119–120]. Протограф списка D он обозначает как D' [Голубовский 1895: 120]. Основной тезис Голубовского:

[...] Мстиславовъ договоръ 1229 года явился на свѣтъ въ двухъ спискахъ: 1) съ печатью князя Мстислава Давидовича и смоленскаго епископа, 2) съ печатями нѣмецкихъ представителей или епископа и магистра ордена, современныхъ заключенію договора [Голубовский 1895: 121].

Эти списки, по мнению Голубовского, переведены с разных языков: список А — с немецкого, список D' — с латинского. В качестве доказательств он приводит датирующую запись в списке А, сформулированную, как уже отмечал Куник, на немецкий манер, в отличие от датирующей записи в списке D, имитирующей латинскую дату (на что также обращал внимание Куник, см. 3.): «Въ экземлярѣ D' датировка вполнѣ латинская: тысяча лѣтъ и двѣсти лѣтъ и тридцать лѣтъ безъ одного лѣта, что представляеть собою переводъ: *mille ducenti undetriginta*» [Голубовский 1895: 123–124]. Еще один, уже известный по работе Куника аргумент — это разночтения *фоготъ* (список А) и *судина* (список D). Чтение в списке D Голубовский считает переводом с латинского *iudex* [Голубовский 1895: 123], тогда как лексема *voget* обычно соответствует латинской лексеме *advocatus* [Kunik 1868: 409; ср. Schulze 2011: 33]. Заметим в этой связи, что рижский фогт Альберт упоминается также в других латинских грамотах, при этом именно как *Albertus advocatus* [Bunge 1853: 150, № 114 (1232 г.); 172, № 134 (1234 г.)]. Предложение, в котором в нарративной части грамоты сообщается о смерти епископа Альберта, в списке D восходит, по Голубовскому, к латинскому обороту *ablativus absolutus*, поскольку при именной части предиката отсутствует связка: *того лѣта · коли еписъ алъбрехтъ рижскыи мъртъвъ* (D: lin. 4–5). В качестве возможного латинского соответствия Голубовский приводит «*episcopo Albrachto Rigensi mortuo*» [Голубовский 1895: 124]. Это показательно, поскольку в списке А сообщение о смерти Аль-

берта сформулировано иначе: того лѣ коли алъбрахтъ · вѣдѣ ризкии оумьрлз (A: lin. 2–3).

Особенно примечательной Голубовский считает передачу названия немецкого города *Soest* (Зост) как *Жатъ* в списке А: гиндрикъ готъ · илдигърь · та два взыла изъ жата (A: lin. 96) и как *Жюжатъ* в списке D: андрикъ · готъ · илиерь · ти же соуть изъ жюжа · жата (D: lin. 151–152). Первое чтение, по его мнению, вполне может соответствовать немецкому *Soest* (см. современное исследование с точки зрения германистики [Peters 2012/1998]), тогда как во втором чтении следует видеть отражение латинского топонима *Susatium*. Голубовский ссылается в этой связи на свидетельство арабского литератора Закарии аль-Казвини (XIII в.), в тексте которого название города звучит как *Sušit*, а также на запись в рижской долговой книге, в которой *Susatium* передается как *Zosatum*. Кроме того, он указывает на написания *Susit* и *Sust* [Голубовский 1895: 124–125]. Интерпретация Голубовского была оспорена Е. Н. Братищенко, которая предложила альтернативное словоделение текста [Bratishenko 2002: 357–358, 360 прим. 23]. Однако эту гипотезу можно принять только по отношению к списку D: если прочитать это место не как *исъ жата*, а как *и-съжата*, т. е. *и-сожата* (со смешением *ъ* и *о*), то начальная форма *сожати* идеально соответствует зафиксированному в ганзейских (кстати: латинских!) грамотах написанию *Zosatum*, которое приводит Голубовский, или также *Sosatum*, как в грамоте № 428 (1252 г.) [HUB I: 140] или даже *Sosat*, как в грамоте № 451 (1277 г.) в издании Бунге [Bunge 1853: 565]. Однако нет оснований сомневаться в том, что *жюжатъ* идеально подходит в качестве кандидата на архетипическое чтение лат. *Susatium*. Укажем, кроме того, на зафиксированное в латинских грамотах Ганзы написание *(de) Susato*, как в грамотах № 309 (1241 г.) [HUB I: 101] и № 450 (1277 г.) [Bunge 1853: 565]. Возводя написание *жюжатъ* к латинскому чтению, Голубовский был, судя по всему, прав.

На основании всех этих данных Голубовский приходит к выводу, что список А, будучи личным экземпляром Мстислава Давыдовича, «есть переводъ съ нѣмецкаго языка на современное смоленское нарѣчїе», но при этом немецкий оригинал, с которого делался перевод, сам является переводом, а именно с латинского языка [Голубовский 1895: 125]. По Голубовскому, об этом свидетельствует «латинская форма вступленія», т. е. типичные для преамбул латинских грамот формулы, на которые в свое время указывали Лерберг и Тобин (см. 2.).

Голубовский уверен, что при заключении договора сначала был составлен латинский черновой текст. Но, поскольку, как он полагает, «не всѣ купцы ганзейскаго союза могли понимать» по-латински, договор был переведен «на нѣмецкїй современный языкъ» [Голубовский 1895: 125]. Одновременно и «съ такими-же цѣлями» тот же латинский текст договора был переведен «на смоленское нарѣчїе» [Голубовский 1895: 125]. Этот смоленский перевод был принят немецкой стороной и подтвержден печатями. Таким образом Голубовский объясняет происхождение протографа списка D', считая его переводом с латинского языка. В свою очередь в Смоленск был одновременно передан немецкий перевод с латинского оригинала, где его перевели «на смоленское

нарѣчіе» и приложили к нему княжескую и епископскую печати и, возможно, еще и печать одного из немецких представителей. Так, согласно Голубовскому, возник список А, будучи переводом немецкой версии договора, восходящей к латинскому оригиналу [Голубовский 1895: 125 и особенно 132].

Предложенная Голубовским хронология возникновения древнейших списков сегодня больше не выдерживает критики. Однако его выводы о том, что список А был сориентирован на немецкий подлинник, а список D — на латинский, представляют значительный интерес и находят все больше подтверждений. Кроме того, Голубовский обратил внимание на еще одну важную деталь дипломатического ритуала того времени — на взаимный обмен экземплярами договора.

5. Крупнейшим исследованием Смоленской грамоты в начале XX в. стал посвященный ей раздел в монографии Леопольда Карла Гётца «Средневековые немецко-русские торговые договоры» [Goetz 1916: 231–304]. Гётц считает общепринятой позицию, что восточнославянские списки восходят к черновому экземпляру договора, составленному или по-латински, или по-средне-нижненемецки, т. е. представляют собой перевод. Он присоединяется к мнению Куника, что определить, с какого точно языка делался перевод — с латинского или со средненемецкого — фактически невозможно. Приведенные Куником аргументы в пользу нижненемецкого оригинала Гётц считает не имеющими решающего значения («nicht ausschlaggebend»), поскольку подобные формулировки можно также найти в латинских текстах того времени [Goetz 1916: 297–298].

Гётц ищет доказательств в исторической ситуации и ссылается в этой связи на торговый договор между Новгородом и немцами 1268/69 г., который, по его мнению, скорее, свидетельствует в пользу латинского оригинала договора Мстислава Давыдовича:

Der Novgoroder Vertragsentwurf von 1268, den die Deutschen vorlegten, war in lateinischer Sprache abgefaßt, aber die Übersetzung, die die Deutschen vom russischen Gegenentwurf von 1269 anfertigen ließen, ist niederdeutsch. Das würde allerdings eher für einen lateinischen Urtext unseres Smolensker Vertrags sprechen [Goetz 1916: 298].

‘Проект новгородского договора 1268 г., который представили немцы, был написан на латинском языке, но перевод, который немцы изготовили с русского проекта договора 1269 г., был сделан на нижненемецкий язык. Это все же, скорее, говорит в пользу латинского противня нашего Смоленского договора.’

В комментариях к тексту списка А в сравнении со списком D и с учетом остальных списков Гётц ссылается на Лерберга и Тобина, указавших на шаблонные формулы латинских грамот во вступительной части к Смоленской грамоте, и называет дополнительные примеры употребления похожих формул в латиноязычных немецких грамотах 1177, 1248 и 1253 годов, а также в датированной концом декабря 1264 г. и составленной в Риге восточнославянской осведомительной грамоте литовского князя Герденя о заключении мирного договора и

установлении торговых отношений между Ригой и Готландом, с одной стороны, и Полоцком и Витебском, с другой [Goetz 1916: 232]. Извещение Герденя особенно интересно, поскольку оно еще раз подтверждает использование западного дипломатического формуляра в письменных контактах восточных славян с Ганзой в середине XIII в.:

Князь Гердень кланяется всемъ темь, кто видить сую грамоту, тие люди, что ныне живи суть, а темь, кто напосле приидуть, тѣмь вѣдомо буди, какъ миръ есмы створили промежи местеря и с ратьманы Рижьскими, и с Полочаны и Видьбляны тако, како грамота написано [...] [Napiersky 1868: 13 № XXVa].

В дальнейшем анализе Гётц подчеркивает более русский характер языка списка D и большую искусственность языка в списке A на том основании, что, по сравнению со списком A, словоупотребление в списке D находит больше параллелей в древнерусском языке правовых актов:

Die Übersetzung in A mag wörtlich ganz korrekt gewesen sein; gewandter, mehr dem altrussischen Sprachgebrauch entsprechend, sozusagen mehr Altrussisch gedacht, ist die von D [Goetz 1916: 298].

‘Перевод в списке A, надо думать, дословно абсолютно корректен; искуснее, с большим соответствием древнерусскому языковому узусу, так сказать, больше задуманный как древнерусский — перевод списка D.’

Это наблюдение приводит Гётца к выводу о том, что перевод списка A был организован немецкой стороной так же, как ганзейские грамоты, написанные на нижненемецком языке в Любеке, Риге или Тарту, переводились местными переводчиками на русский язык. В отличие от этого список D был переведен носителем (древне)русского языка, хорошо знающим языковой узус и в полной мере владеющим соответствующей терминологией на собственном языке [Goetz 1916: 298].

С точки зрения содержания текста Гётц обращает внимание на то, что списки рижской редакции в большей степени отражают интересы русской стороны, тогда как списки готландской редакции в большей степени составлены с перспективы немецкой стороны. Так, в ряде статей права русских в рижской редакции оговариваются более обстоятельно, чем в готландской редакции (например, статьи 4, 12, 17, 18, 21). В готландской редакции вообще отсутствует статья 23, защищающая права русских в случае возникновения трудностей с ведением торговли в иностранных землях: эта статья неактуальна для немецкой стороны. Статьи, в которых представлены условия проезда немецких купцов в Смоленск и русских купцов на Готланд, в обеих редакциях составлены с разных географических позиций. В готландской редакции в статье 25 речь идет об освобождении от таможенных сборов при проезде латинянина с Готланда в Смоленск и русского из Смоленска на Готланд. Это — позиция немецкой стороны. В соответствующей статье рижской редакции (статья 31) немецкие купцы освобождаются от таможенного сбора на пути Смоленск – Рига или Рига – Смоленск. Таможенный сбор для немецких купцов между Ригой и Готландом русскую сторону не интересует, поэтому он и не

обсуждается. Но при этом для русских купцов в той же статье оговаривается условие, что они не платят сборов между Смоленском и Ригой, а также между Ригой и Готским берегом. Это — русская перспектива (все эти и другие примеры см. в [Goetz 1916: 299]).

Вывод Гётца:

Somit halte ich die Rigische Rezension D für dasjenige Exemplar des ursprünglichen lateinisch oder niederdeutsch abgefaßten Vertrags, das von den Russen aus dem Entwurf, bezw. in den Hauptverhandlungen, in das Altrussische übertragen und später den deutschen eingehändigt wurde. Die Gotländische Rezension A dagegen ist meines Erachtens die von den Deutschen angefertigte Übersetzung des Entwurfs in das Altrussische, ist dasjenige Exemplar des Vertrags, das den Russen von der Kaufmannsgenossenschaft in Gotland übergeben wurde [Goetz 1916: 299].

‘Таким образом я считаю рижскую редакцию D тем самым экземпляром изначально по-латински или по-нижненемецки составленного договора, который русская сторона именно во время основных переговоров перевела с противня на древнерусский язык и затем вручила немецкой стороне. Готландская редакция A, напротив, представляет собой, по моему мнению, изготовленный немецкой стороной перевод противня на древнерусский язык и является тем самым экземпляром договора, который купеческое сообщество передало русской стороне на Готланде.’

Итак, Гётц рассматривает оба списка как переводы, склоняясь, скорее, к латинскому оригиналу, но не исключая полностью возможности нижненемецкого оригинала. При этом, считая список A оригинальным экземпляром, датированным 1229 г., он предполагает, что перевод этого списка на древнерусский язык был выполнен немецкой стороной, тогда как перевод списка D, датированного тем же временем, был выполнен восточнославянским переводчиком. Как и Голубовский, но, судя по всему, независимо от него, Гётц приходит к выводу об обмене экземплярами договора между обеими сторонами. Это было обычной дипломатической практикой того времени: таким образом подтверждалась двусторонняя договоренность в сделке. Гётц ссылается в этой связи на работы Л. Битнера (см. подробнее более позднюю работу [Bittner 1924: 4–6]).

6. Валентин Кипарский, знакомый с работами Бунге, Куника и Гётца, предложил новую интерпретацию вопроса об иноязычном подтексте Смоленской грамоты [Kiparsky 1939; 1960]. Он полагает, что текст не является переводом, а был написан немцем, хорошо владевшим (древне)русским языком. В доказательство он приводит как уже известные, так и новые аргументы.

Он опять же обращается к гидрониму *на оустоко моря* (A: lin. 10) — *по вьсточному морю* (D: lin. 15) в значении ‘Балтийское море’ (нем. *Ostsee*, лат. *mare Orientale*), которое в древнерусском языке называлось *Варяжским морем* и только с географической перспективы западных земель могло называться *Восточным морем* [Kiparsky 1939: 85]. Исходя из порядка компонентов в славянской именной группе <Adj. [Attr.] + N>, Кипарский интерпретирует оба выражения — *оустоко-море* и *вьточно море* — как кальку со ср.-ниж.-нем. *ostersê* и не с латинского *mare Orientale*, поскольку в латинской именной груп-

пе порядок слов обратный: <N + Adj. [Attr.]> [Там же]. Однако порядок слов в данном случае не может считаться решающим аргументом, поскольку позиция атрибута в географических названиях является характерной особенностью древнерусского языка [Евстифеева 2008: 174]. Поэтому, несмотря на различия в порядке слов, на наш взгляд, вполне допустимо семантически возводить чтение *въсточно море* в списке D к латинскому *mare Orientale*. Флексию *а* в выражении *на оустоко мора* Кипарский считает грамматической ошибкой, имплицитно подразумевая при этом недостаточные знания древнерусского языка у составителя текста [Kiparsky 1939: 85].

С интерпретацией Кипарского не соглашается Братищенко, которая объясняет перечисленные Кипарским явления с точки зрения древнерусского языка и тем самым отрицает в них иноязычное влияние [Bratishenko 2002: 350–353]. Однако с ее критикой вряд ли можно согласиться. Предложенная ею реконструкция — *на въстокъ мора* — возможна грамматически, но не прагматически (см. [Klenin 2003: 251–252]), потому что в этом случае оказывается, что объектом договора является только восточная часть Балтийского (Варяжского) моря. Заметим, что Братищенко не была первой, кто предложил такое понимание. Таким же образом это выражение интерпретируется в изданной С. П. Обнорским и С. Г. Бархударовым «Хрестоматии по истории русского языка» [Обнорский, Бархударов 1938: 35, прим. 10]. Знал это объяснение и Кипарский по второму изданию Хрестоматии, вышедшему в 1952 г. Он, на наш взгляд, убедительно доказал его несостоятельность:

In der [...] Chrestomatie zur Geschichte der russischen Sprache von S. P. Obnorskij und S. G. Barchudarov [...], wo die besagte Urkunde nach der Rezension A [...] abgedruckt und kommentiert wird, erklären [...] die Herausgeber на Оустоко мора als «въстокъ моря, т. е. Остзейский край» (= der Osten des Meeres, d. h. die Ostsee-provinzen), während ich diesen Ausdruck als ungeschickte Wiedergabe eines mnd. ostersê ‘Ostsee’ auffasste. Obnorskij und Barchudarov zitieren aber mich nicht und scheinen meinen Aufsatz überhaupt nicht zu kennen. Jedenfalls beweist die in der Rezension D vorkommende Entsprechung: по Въсточному морю (= im Östlichen Meere) ‘in der Ostsee’, dass es sich hier um die See und nicht um die Provinzen handelte [Kiparsky 1960: 245].

‘В [...] Хрестоматии по истории русского языка С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова [...], в которой названная грамота напечатана и прокомментирована по списку А [...], издатели объясняют [...] на Оустоко мора как «въстокъ моря, т. е. Остзейский край» (= Восток моря, т. е. остзейские [прибалтийские] провинции), тогда как я понял это выражение как неуклюжую передачу ср.-ниж.-нем. выражения ostersê ‘Балтийской море’. Однако Обнорский и Бархударов не цитируют меня и, кажется, вообще не знают моей статьи. В любом случае встречающееся в списке D соответствие по Въсточному морю [...] ‘по Балтийскому морю’ доказывает, что здесь речь идет о море, а не о провинциях.’

Вопреки мнению Кипарского, во флексии *а* действительно не следует видеть ошибку. Это характерное для смоленско-полоцкого диалекта смешение *е* и *'а* [Соболевский 2006/1886: 124–125]. А. И. Соболевский там же приводит

примеры написания *я* вместо *е* и *ъ* [Соболевский 2006/1886: 124]. Соответственно, вопреки мнению Братищенко [Bratishenko 2002: 350–351] (как впрочем и Обнорского и Бархударова), в данном случае нет оснований приписывать словоформе *мора* значение РП ед. ч. В ней следует видеть отражение типичных языковых особенностей смоленско-полоцкого диалекта, таких же, как и переход *в* в *у* [Соболевский 2006/1886: 122–125] в *оустоко*. Выражение *оустоко мора* имеет грамматическое значение ВП ед. ч., которое задано предложением *на*; проблем с согласованием прилагательного с существительным, которые видел Кипарский, здесь нет. Более того, *оустоко* не следует считать прилагательным. Здесь, скорее всего, следует исходить из сложения *оустокъ-море* по модели немецкого композита *Ostsee*. Соображения Братищенко в пользу того, что выражение *Варяжское море* не образует имени собственного со значением ‘Балтийское море’, поскольку прилагательное *Варяжское* следует понимать как притяжательное [Bratishenko 2002: 351–353], неубедительны как лингвистический аргумент, ср. такие обозначения, как *Баренцево море*, *Берингово море*, *Японское море* или в древнерусском языке *Хвалисьскою*, т. е. ‘Каспийское’, *море* и *Каано море*, т. е. ‘Ботнический залив’ [Зализняк 2004: 248, 595–596]; ср. также представление выражений *Варяжское море* и *Восточное море* как географических названий в [СДРЯ V: 24].

Далее Кипарский анализирует разночтения в семантически эквивалентных глагольных словосочетаниях *имати [...]* на железу в списке D (lin. 52–53) и *въѣсти [...]* ко жельзоу горячемоу в списке А (lin. 34) [Kiparsky 1939: 85]. Уже Гётц обращал внимание на то, что словосочетание *имати на железо* встречается в Русской правде и в так называемой грамоте неизвестного князя, которую Гётц называет Смоленским договором 1250 г. [Goetz 1916: 251]: *немьичю же въ ризѣ и на гътъскомь вѣръзѣ · смолнанина · на жельзо. безъ его воле не азѣ имати* [СмолГр.: 11, lin. 31–32]. Имеется в виду испытание раскаленным железом как вид клятвы на суде, см. [СДРЯ III: 242]. Гётц особенно подчеркивал, что в списке D, в отличие от списка А существительное железо не сопровождается атрибутом [Goetz 1916: 251]. В Русской правде и в грамоте неизвестного князя атрибута также нет. Словосочетание *железо горячее* в списке А Гётц считал переводом с латинского выражения *ferrum candens* [Goetz 1916: 251] (‘раскаленное железо’), которое функционировало как *terminus technicus*. В контекстах со значением ‘испытание раскаленным железом’ оно встречается, например, в нескольких латиноязычных ганзейских грамотах и в том числе в грамотах, связанных с деятельностью рижского епископа Альберта фон Букховеде в первой трети XIII в. [Goetz 1916: 252–253]. Тем не менее оно зафиксировано и в ср.-ниж.-нем. языке *dat glöiende ĩsern drāgen* [Köbler 2014: s. v. *ĩsern* (1)] (‘нести раскаленное железо’). В латинском прототипическом выражении и в его немецкой кальке в качестве атрибута выступает причастие, тогда как в восточнославянском переводе атрибут — прилагательное. В этой связи показателен ср.-ниж.-нем. пример, приведенный Кипарским: *treden to dem heten iserne* [Kiparsky 1939: 85], т. е. ‘идти к горячему железу’. В немецком языке до сегодняшнего дня сохранился фразеологизм *ein heißes Eisen (anfassen)* — дословно ‘дотронуться до горячего железа’. Разница в порядке слов

в немецкой и древнерусской именных группах непоказательна, поскольку постпозиция атрибута в древнерусском языке считается исконной (см. обзор точек зрения по этому вопросу в: [Евстифеева 2008: 162–164 и 201]). Заметим, что словосочетание *железо горячее* с постпозицией атрибута зафиксировано еще в ряде примеров, при этом не как *terminus technicus* со значением ‘испытание раскаленным железом’ (такое словоупотребление сегодня известно лишь по Смоленской грамоте), а в прямом значении; при сочетании с другими определяемыми атрибут *горячий* также находится в постпозиции (см.: [СДРЯ II: 365]). Таким образом, восточнославянскому фразовому глагольному сочетанию *имати на железо* соответствуют в латинско-немецкой традиции именные группы *раскаленное железо / горячее железо*, которые в зависимости от контекста могут управляться разными глаголами, как показывают уже приведенные выше примеры. Именно поэтому Кипарский не мог обнаружить дословных соответствий для конструкции *въѣсти [...] ко жельзоу горячему* ни в немецком, ни в латинском языках [Kiparsky 1939: 85]. Наверняка такие примеры найдутся, тем не менее употребление глагола *вести* в данном выражении, по всей видимости, не было фразеологизированным.

Кипарский рассматривал этот пример как нерусский, поскольку он, в отличие от *имати на железо*, не встречается в других древнерусских памятниках [Kiparsky 1939: 85]. Братищенко попыталась опровергнуть мнение Кипарского, приведя в качестве примера конструкцию *кого на пьрьдь въѣсти ко Смольньскоу* [Bratishenko 2002: 353–354]. Но у этой конструкции совершенно иное значение — направление чьего-либо движения к определенному (географическому) пункту, тогда как в рассматриваемом примере из Смоленской грамоты *вести* означает ‘принуждать к какому-либо действию’. Столь же неточен приведенный Братищенко пример из Повести временных лет, якобы подтверждающий, что словосочетание *железо горячее* встречается и в других древнерусских текстах [Bratishenko 2002: 254]. Как отмечено выше, в других текстах оно не имеет значения ‘испытание раскаленным железом’, как в Смоленской грамоте, ср.: *и нальзоша быкъ великъ и силенъ. и повельъ раздражити быка. возложиша на нь жельза горяча* [СДРЯ II: 365]. Братищенко цитирует только последнюю часть — *возложиша на нь жельза горяча*, — вырывая тем самым пример из контекста, так что его исконное значение становится неочевидным. Вряд ли есть основания для сомнений в том, что чтение в списке А на лексико-семантическом уровне отражает латинско-немецкое влияние.

Следующий аргумент Кипарского — это разночтения *серебро плавити* в списке D (lin. 113) и *серебро пожигаги* в списке А (lin. 78). Первое, как замечает Кипарский, соответствует в том числе современному словоупотреблению в русском языке. Для второго он приводит в качестве ср.-ниж.-нем. параллелей *sulverberner, sulverborner* [Kiparsky 1939: 85]. В словаре ср.-ниж.-нем. языка зафиксировано точно соответствующее древнерусскому чтению в списке А глагольное сочетание «*Sülver brennen: nhd. Silber brennen*» в значении «*Silbererz durch Schmelzen (N.) läutern, Silber für die in den Verkehr zu bringenden Silberstücke mischen und schmelzen*» [Köbler 2014: s. v. *silver* (1)] (‘очищать серебра-

ную руду путем плавки, смешивать и плавить серебро для серебряных слитков, которые будут пущены в оборот’).

Братищенко утверждает в этой связи: «Even if the expression in Copy A is a German calque, its lexical and syntactic composition does not strike one as unusual» [Bratishenko 2002: 355]. Однако гипотеза Кипарского заключается именно в том, что текст составлен немцем, на очень высоком уровне владевшим древнерусским языком, так что формулировки не выглядят необычными. Другие примеры древнерусских текстов, в которых бы глагол *пожигати* или также *пожизати* употреблялся в значение «переплавлять какой-либо металл», до сегодняшнего дня неизвестны, тогда как *плавити* именно в этом значении, но в другом контексте встречается как минимум еще один раз (см. СДРЯ [VI: 565–566, 410]), что, скорее, подтверждает наблюдение Кипарского. Тем не менее, еще раньше с мнением Кипарского не соглашался Кучкин, указывая на русскую Торговую книгу конца XVI в., в которой термин *пожиганье* употребляется в значении ‘переплавка’ [Кучкин 1966: 112–113] (ср.: [СлРЯ 16: 100]). Однако это слишком поздний пример: со Смоленской грамотой его разделяют 300 лет. Он не может использоваться в качестве однозначного доказательства. Так же ненадежен пример из Геннадиевской Библии (1499 г.) из Книги пророка Иезекииля (22:22) [СлРЯ 16: 100]. Данная глава, как известно, восходит к восточноболгарским церковнославянским переводам эпохи царя Симеона [Ромодановская 2010]. Однако в пражском словаре древнецерковнославянского языка это значение не зафиксировано [ССС III: 110]. Принимая во внимание тот факт, что Геннадиевская Библия возникла в контексте переводов с немецкого и латинского языков, здесь невозможно исключить немецко-латинского влияния.

Калькой со ср.-ниж.-нем. *lantholder* Кипарский считает композит земледѣржи в списке А (lin. 84) в отличие от восточнославянского соответствия волостелеве в списке D (lin. 135) [Kiparsky 1939: 86] (ср. [Goetz 1916: 287–288]). Как германизм он интерпретирует также титул магистра Ордена меченосцев (с 1237 г. Ливонского ордена) *мастеръ божьихъ дворанъ*, возводя его к немецкому титулу *Meister der Gottesritter* [Kiparsky 1939: 86]. Показательно, что оба выражения использованы вместе в одном предложении: *ѿпѣꙗ же рижьскыи фолкоунъ · мастеръ бѣжихъ дворанъ · и вси волостелеве по рижьскои земли* (D: lin. 134–135), ср.: *Пискоупъ · ризкии · мастъръ бѣхъ дворанъ · и вси земледѣржи* (A: lin. 84). Предшествующие исследователи обращали внимание только на рыцарский титул *божий дворянин*. Как было упомянуто выше, Бунге и особенно Куник использовали его как аргумент в пользу того, что источником обеих редакций договора, скорее, был текст на средненижненемецком языке (см. 3). Названный в списке D по имени магистр Ордена меченосцев Фольквин вон Наумбург (умер в 1236 г.) в латиноязычных грамотах носит титул *magister militiae Christi* (см. тексты в [Bunge 1853: 57, № 53; 79, № 74; 93, № 79; и мн. др.]), что на первый взгляд расходится с восточнославянским соответствием *мастеръ божьихъ дворанъ*. Кипарский, а до него Бунге и Куник были все же, вне всяких сомнений, правы, трактуя титулы членов рыцарского ордена как германизмы. Тем не менее эти германизмы не обязательно свидетельствуют в пользу не-

мецкого оригинала рижской редакции договора. В случае списка D в них следует видеть следы древне немецкой интерференции в переводах с латинского языка, как мы их наблюдаем в древне церковнославянских текстах и в частности в Никодимовом евангелии (см. подробно [Ziffer 2006]; о германизмах в др.-церк.-слав. языке см. [Кривко 2020]). Принимая во внимание тот факт, что обозначения *божий дворянин* и *мастер божьих дворян* встречаются в обеих редакциях договора, а также в других древнерусских текстах (см. [СДРЯ II: 450; СДРЯ IV, 510]; ср. замечание у Кипарского [Kiparsky 1939: 86]), но при этом впервые письменно засвидетельствованы именно в Смоленской грамоте, следует думать, что к началу XIII в. они вошли в языковой узус как лексико-семантические элементы, отражающие контакты восточных славян с немецким духовно-рыцарским орденом, распространявшим христианство в пограничных с Русью ливонских территориях.

Контраргументы Братищенко, исходящей из того, что лексема *дворянин* является исконно восточнославянской и атрибут *божий* мог использовать якобы только славянин, тогда как от немецкого составителя договора следует ожидать использование поссесивного генетива [Bratishenko 2002: 353], лингвистически не обоснованы. В случае с лексемой *дворянин* неправильно интерпретируется семантика, поскольку не учитывается, что лексема употребляется в составе титула: у нее нет современного значения «a person of nobility» [Bratishenko 2002: 353], она означает «слуга господина» (см. спектр значений в [СДРЯ II: 449]), т. е. *божьи дворяне* — это «слуги Господни». Немецкие рыцари Ордена меченосцев — *Fratres militiae Christi*, т. е. Братство воинов Христовых (*Gottesritter*) — также осознавали себя слугами Божиими. Особенно показательно то, что это значение зафиксировано в Житии Александра Невского: «И сего ради нѣкто силенъ от Западныхъ страны, иже нарицаются слугы Божия, от тѣхъ прииде, хотя видѣти дивный възрасть его [...]. [...] [С]ей, именовъ Андрѣяшь, видѣвъ князя Александра и, възвратився къ своимъ, рече [...]» [БЛДР V: 358] (ср. [СлРЯ 25: 117]). Согласно Житию, перед Ледовым побоищем Александра Невского посещал магистр Ливонского ордена (*magister militiae Christi de Livonia*) именовъ Андрѣяшь, т. е. Андреас фон Вельвен (см. комментарии В. И. Охотниковой к изданию текста в [БЛДР V: 516–517]). В Житии он называется *силенъ*, т. е. ‘могущественный, имеющий силу, власть’, см. значения в [СлРЯ 24: 143–144]. Относительное предложение *иже нарицаются слугы Божия* отсылает к названию рыцарского Ордена — *Fratres militiae Christi*, т. е. Братство воинов Христовых, которые понимают себя как *слуги Божиим*, что и отражается в восточнославянском тексте. Примечательно, что лат. *miles* в Никодимовом евангелии, церковнославянский перевод которого отражает немецко-латинскую лексическую интерференцию, переводится именно как *слуга* [Ziffer 2006: 269], тогда как традиционным церковнославянским соответствием латинской лексеме *miles* является *воинъ* [ССС I: 208–209]. Дж. Дзиффер усматривает в переводе *слуга* семантическую кальку верх.-нем. лексемы *kneht*, означающей как слугу, так и воина [Ziffer 2006: 269]. Таким образом становится более очевидной связь между рыцарями как воинами Христовыми и слугами Господними, которая в Смоленской грамоте реали-

зуется лексически в выражении *божий дворянин*. Предположение, что немецкий составитель или переводчик договора должен был бы употребить possessивный родительный вместо притяжательного прилагательного, не имеет достаточных оснований, ср. о родительном possessивном в древнерусской языке [Крысько 2020: 387].

Трудно разделить сомнения Братищенко в том, что композит *земледѣржци* не является германизмом [Bratishenko 2002: 354–355]. Использование аутентичных словообразовательных элементов и словообразовательных моделей при калькировании иноязычных лексем не противоречит интерпретации славянских новообразований как заимствований. Лексема *земледѣржць* не встречается в более ранних восточнославянских памятниках, по крайней мере, на сегодняшний день такие примеры неизвестны. Засвидетельствованный в [СлРЯ 5: 374] пример из Летописца Переяславля Суздальского («И глѣаху кто сичевъ члѣкъ, иже така<о> сѣа земледръ<ж>ца погуби») ненадежен, поскольку рукопись, как известно, датируется втор. пол. XV в. Кипарский был, по всей вероятности, прав, возводя композит *земледѣржци* к ср.-ниж.-нем. *lant-holder*. Такого же мнения придерживался Кучкин, объясняя значение композита *земледѣржци* как ‘князя русских земель’ [Кучкин 1966: 113]. Ориентация на немецкие языковые модели здесь тем более вероятна, что статья 34 списка А, как показал Гётц, явно составлена с географической точки зрения западных земель, она предполагает путь с запада на восток, тогда как соответствующая ей статья 36 в списке D представляет восточнославянский взгляд с востока на запад [Goetz 2016: 288].

Следующий блок аргументов Кипарского касается списка свидетелей. Во-первых, он обращается к союзу *wdъ*, опровергая устно высказанное Оскаром Мазингом и изложенное в публикации В. Шлютера [Schlüter 1908: 541, прим. 1] мнение о том, что это — ср.-ниж.-нем. союз *unde*, который русский переводчик, плохо владевший немецким языком, якобы оставил в списке А вместо русс. союза *и*. Как замечает Кипарский, это невероятно уже потому, что список А «an vielen Stellen die richtige altruss. Konjunktion и ‘und’ enthält» [Kiparsky 1939: 86] (‘в списке А во многих местах текста корректно употребляется др.-русс. союз *и*’). Во-вторых, Кипарский упоминает передачу фамилий и должностей немецких свидетелей в списке D: *кондратъ кривый · еганъ · кинотъ [...]* *алверъ · соудина* (lin. 152, 156) в сравнении со списком А: *конратъ шхель · wdъ яганъ · кинтъ [...]* *wdъ албрахтъ фоготъ* (lin. 96–97, 99), на что уже обращали внимание Бунге и Куник (см. 3.). Все вместе эти данные, по мнению Кипарского, говорят в пользу, скорее, средненижнегерманского, чем латинского оригинала [Kiparsky 1939: 86].

Идею о том, что передача фамилий и должностей в списке D является переводом с немецкого на древневосточнославянский (древнерусский) язык, поддержала Братищенко [Bratishenko 2002: 353]. Это утверждение расходится с сегодняшними представлениями о том, что список D переведен с латинского оригинала. Тем не менее фамилии как имена собственные действительно переводились с немецкого языка, при этом для этого даже не обязательно предполагать наличие письменного немецкого текста договора. Кроме того, Брати-

щенко разделяет мнение о том, что союз *wdѣ* в списке А следует читать как *unde*, и даже пытается дополнительно подтвердить его на фонетическом уровне [Bratishenko 2002: 355–357]. Однако более убедительным кажется подход Йоса Схакена, объяснившего *wdѣ* как словообразовательный вариант древнерусского союза *оже* [Schaeken 2001: 5]. Более того, Схакен замечает, что если список А действительно восходит к средненижнемецкому оригиналу, в чем мы сегодня больше не сомневаемся, то союз *wdѣ* следует возводить не к *unde* ‘и’, а к *unde ôk* ‘а также’ [Schaeken 2001: 7, прим. 12]. Таким образом, в данном случае у нас нет оснований видеть в *wdѣ* германизм.

Еще три лингвистических аргумента Кипарский привел в своей статье 1960 г. [Kiparsky 1960]. Во-первых, он подробно останавливается на языковом оформлении датирующих записей в списках А и D [Kiparsky 1960: 245–246], на что до Кипарского уже обращали внимание Куник и Голубовский, указывавшие на то, что запись в списке А соответствует немецким языковым моделям, а запись в списке D — латинским (см. 3. и 4.). Кипарский заключает из этого:

Es ist also anzunehmen, dass dem Verfasser der Rezension A die mnd. Zählweise geläufiger war, als die russische. Der Verfasser von D, der, wie ich schon 1939 gezeigt habe etwas besser russisch konnte, benutzte dennoch nicht die russische, sondern die lateinische Zählweise (undetriginta) [Kiparsky 1960: 246].

‘Таким образом можно предположить, что для составителя списка А был более привычен ср.-ниж.-нем. способ счета, чем русский. Составитель списка D, который, как я уже показал в 1939 г., несколько лучше владел русским языком, использовал тем не менее не русский, а латинский способ счета (один до тридцати).’

Вслед за Кипарским датирующую запись в списке А обстоятельно проанализировал Петрухин, обративший, как уже упоминалось выше (см. 2.) внимание на то, что в восточнославянском переводе воспроизводится немецкий плюсквамперфект в нетипичной для древнерусского языка функции [Петрухин 2012а: 484–485]. Кроме того, Петрухин включил датирующую запись списка А в контекст подобных записей на средненижнемецком языке [Петрухин 2012а: 483–484]. Все это при учете обнаруженных другими исследователями германизмов позволило ему представить лингвистические доказательства в пользу того, что «в работе над готландской редакцией договора был использован текст на родном языке ганзейских купцов — средненижнемецком» [Петрухин 2013: 165], что, в свою очередь, дало дополнительные основания для датировки готландской редакции 1284 годом [Петрухин 2013; Petrukhin 2013]. Возражение Братищенко, что в датирующей записи списка А не следует видеть германизма, поскольку эта буквальность «reflects nothing more than the conscientiousness of the Slavic scribe, as well as the desire of both sides for uniformity» [Bratishenko 2002: 358], только подкрепляет гипотезу о существовании немецкого противня списка А, иначе непонятно, на чем должно было основываться стремление обеих сторон к единообразию.

Во-вторых, Кипарский указывает на упоминание восьмидневной недели в списке А (статья 14), восходящей к римским нундинам [Kiparsky 1960: 246–247]: *a ne ispraviti za ·i· dñini tovara ou roucina [...]* (A: lin. 47). В списке D соответствующее место читается как: *ужо не исправити за недѣлю [...]* (D: lin. 70–71). Выражение *in acht Tagen* в значении ‘через неделю’ до сих пор распространено в немецком языке. Кроме того, как замечает Кипарский, оно употребляется также во французском, итальянском и шведском языках, а в чешском, словенском и хорватском считается германизмом [Kiparsky 1960: 246–247]. С этим аргументом соглашаются Кучкин [1966: 112–113] и Петрухин [2012а: 479; 2013: 166; Petrukhin 2013: 9]. Заметим, что это еще одно подтверждение тезиса Гётца о том, что готландская редакция составлена с немецкой перспективы, а рижская — с восточнославянской.

В-третьих, Кипарский приводит аргумент *ex negativo*: он подчеркивает, что в списке D аорист встречается только два раза, а в списке А не употребляется вообще [Kiparsky 1960: 247]. Кипарский считает данный факт достойным внимания, поскольку, как он утверждает, восточнославянские книжники XIII в. под влиянием церковнославянской письменности очень часто использовали формы аориста. По мнению Кипарского, отсутствие аориста свидетельствует в пользу нерусского происхождения составителя договора, не прошедшего церковнославянскую выучку [Kiparsky 1960: 247]. Однако сегодня мы знаем, что аорист является характерной особенностью книжных текстов, тогда как в не книжных текстах, к которым относятся, правовые акты и в том числе договорные и купчие грамоты и завещания, «аорист на протяжении многих веков употреблялся в стандартных языковых формулах — гл. обр. в начале документа» [Петрухин, Крысько 2020: 357]. Поэтому и в Смоленской грамоте в списке D аорист встречается только в формульных выражениях, что отмечает сам Кипарский [Kiparsky 1960: 247].

На основании языковых данных Кипарский уже в 1939 г. пришел к выводу о том, что якобы не существовало ни средненижнемецкого, ни латинского противня договора [Kiparsky 1939: 247]. Он ссылается на свое собственное исследование «*Fremdes im Baltendeutsch*», в котором он показал, что ганзейские купцы вели переговоры с восточными славянами на русском языке, для чего они специально посылали будущих переводчиков в русские земли для изучения языка [Kiparsky 1936: 142–143]. Напротив, восточные славяне и поляки, по мнению Кипарского, не владели немецким языком. В качестве доказательства он приводит латинское письмо Олехна Кмиты Судимонтовича, литовского боярина, королевского подчашего и полоцкого наместника, рижским городским властям от 24 декабря 1470 г. Судимонтович просит бургомистра и рижских ратманов не писать писем в Полоцк по-немецки, а только по-рутенски или по-латински, поскольку не всегда можно найти немцев или писцов, владеющих немецким языком [Kiparsky 1939: 247] (см. современную публикацию текста с переводом в [ПолГр. I: 318–319 № 197]). Однако это ситуация второй половины XV в., которую невозможно безоговорочно перенести на XIII в. Тем не менее мы не будем останавливаться на обсуждении данного аспекта — это тема отдельного исследования. Окончательный вывод Кипар-

ского заключается в том, что текст договора был составлен немцем, очень хорошо владевшим древнерусским языком. Более того, Кипарский был убежден, что он точно знает, кто был автором договора: это, по его мнению, названный в тексте грамоты по имени Тумаш Смольнянин, который вел переговоры с Рольфом из Касселя и которого уже Куник, — судя по всему, справедливо — считал осевшим в Смоленске немцем (см. 3.):

Der Dolmetscher (in diesem Falle ist es wohl der im Vertrag erwähnte Тоумашь Смолнянинъ, der, falls er ein Russe gewesen wäre, Фома geheissen hätte) setzte aller Wahrscheinlichkeit nach den Vertrag direkt russisch auf und liess ihn vielleicht später von einem Russen durchsehen, so wie es noch bis zum Weltkriege jeder baltische Geschäftsmann tat. Dass sein Entwurf kein erstklassiges Russisch war, ist ja begreiflich. Die Rigasche Rezension ist sicher von einem besseren Kenner des Russischen abgefasst worden, dass sie aber, wie Goetz [...] vermutete, "das Werk eines Russen" sei, ist schon wegen des по Вѣсточному морю undenkbar. Es ist aber möglich, dass sie von einem Russen durchgesehen worden ist, der nur die störende Unebenheiten des Stils beseitigte, ohne auf die sachlichen Unmöglichkeiten zu achten, wie es heute noch in Übersetzungsbureaus geschieht [Kiparsky 1939: 87].

‘Толмач (в данном случае это, вероятно, упомянутый в договоре Тумаш-смольнянин, который, если бы он был русским, назывался бы Фомой) составил договор, по всей видимости, непосредственно на русском языке и затем, возможно, дал его просмотреть русскому, как это делали все балтийские торговцы еще вплоть до [Первой] мировой войны. Естественно, понятно, что его черновик был написан не на первоклассном русском языке. Рижская редакция договора составлена книжником, который, конечно, лучше владел русским языком. Но, что она, как предполагал Гётц [см. 5.], является «произведением русского», нелегально хотя бы уже из-за выражения по Вѣсточному морю. Однако возможно, что она была просмотрена русским, который лишь устранил мешающие неровности стиля, не обратив внимания на фактические несуразности, как это и сегодня случается в бюро переводов.’

Таким образом, очевидно, что Кипарский полагал, что обе версии договора составлены немцем. Но при этом они, по его мнению, были переведены на немецкий язык, поскольку текст должен был использоваться в Риге, но не все рижские ратманы понимали по-русски. В качестве доказательств существования немецких версий Кипарский ссылается на обнаруженные Куником в регистре Рижского городского архива упоминания немецких текстов договора (см. 3.) [Kiparsky 1939: 87].

С позицией Кипарского по многим причинам невозможно согласиться. Текст международного договора не мог быть составлен одним человеком. Он выработывался в результате переговоров обеих сторон, представленных группами переговорщиков, переводчиков, писцов и свидетелей. Кроме того, естественно предположить, что были какие-то предварительные наработки, на основании которых велись переговоры. Тумаш-смольнянин, согласно тексту договора, действительно участвовал в переговорах 1229 г. Однако немецкая сторона в это время могла признать легитимным только латинский текст (см. об этом подробно в [Подтергера 2021]), даже если сами переговоры вполне

могли вестись на немецком языке, а возможно, одновременно также и на восточнославянском (см. об организации устных переговоров и об использовании в них латыни и народных языков в [Науе 2005: 1–68]). В 1284 г., когда, согласно результатам публикаций Петрухина, возникла новая, готландская, редакция договора, в работе над которой использовался противень на средне-нижненемецком языке, Тумаша-смольянина, возможно, больше не было в живых. Показательно то, что смолянником он называется именно в поздней, готландской, редакции — *тоумаше смолянникъ* (A: lin. 7), тогда как рижская редакция знает его еще по имени и отчеству — *тоумашъ михалевиць* (D: lin. 9–10).

Несмотря на фактическую невозможность окончательных выводов Кипарского, обнаруженные им германизмы за некоторыми исключениями определены правильно и дали повод современным исследователям еще раз поставить вопрос о немецком оригинале договора, а также пересмотреть датировку готландской редакции.

7. Подведем итоги. Предложенный обзор выявил ряд аспектов, которые были намечены в работах исследователей XIX – сер. XX в. и которые по сей день представляют значительный интерес для решения вопроса об иноязычных оригиналах договора. Во-первых, это обнаруженные Куником потенциальные свидетельства, подтверждающие существование немецкой, но, возможно, также и латинской версий договора. Во-вторых, это факт взаимного обмена текстами договора, на который указывали Голубовский и Гётц, а также, в-третьих, установленный Гётцем на основании глубокого содержательного анализа факт, что рижская редакция составлена из перспективы восточнославянских интересов, тогда как готландская редакция представляет немецкую точку зрения. Эти наблюдения непременно следует учитывать для дальнейших языковых интерпретаций Смоленской грамоты. Наконец, значительный интерес представляют обнаруженные исследователями XIX – сер. XX в. латинизмы и германизмы, которые в большинстве своем признаны в современной исторической русистике, однако некоторые из них, и особенно латинизмы, тем не менее остаются забытыми.

Одновременно становится очевидной значимость работ ученых XIX в. Едва ли справедливо утверждение издателей смоленско-рижских актов, что:

[...] практически все исследователи [XIX в. — И. П.], занимавшиеся смоленско-рижскими грамотами, пытались в меру своих сил установить, являлись ли тексты списков договора 1229 года переводами с нижненемецкого или латинского, или же были изначально составлены на древнерусском языке. В XIX веке дискуссия фактически зашла в тупик, очевидно, потому, что проблему пытались решить не языковеды, а историки, то есть дилетанты [Иванов, Кузнецов 2009: 200].

С тем, чтобы открыть новые перспективы для исследования текстов, которые уже не однажды попадали в поле зрения ученых, необходимо корректно отследить историю интерпретаций. Это всем хорошо известная история вопроса. Тем не менее именно данный этап научной работы нередко сводится

к рецептированию, а не к самостоятельному чтению. Современная гуманитарная наука стоит перед серьезной общеметодологической проблемой, которая касается не только области палеославистики, но и любой науки, занимающейся интерпретацией источников. Мы теоретически постулируем свою научность, но одновременно в научном дискурсе оказывается возможным господство такого феномена как авторитет традиции, когда идеи перенимаются из третьих или четвертых рук. Эта проблема заслуживает отдельного исследования с позиций социологии науки, а также эпистемологии (или, в терминах Мишеля Фуко, «археологии») научного знания. Как банально бы это ни звучало, приходится признать, что сверка идей и концептов по их первоисточникам должна стать обязательным этапом, предшествующим любому их использованию. Только таким образом мы действительно придем к новому знанию.

ИСТОЧНИКИ

- БЛДР V — Библиотека литературы древней Руси. Т. V: XIII век. СПб.: Наука, 1997. 527 с.
- ГЛат. — Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. 2-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. [Электронный ресурс]. URL: <http://livonia.narod.///index.htm> (дата обращения: 16.09.2020).
- ПолГр. — *Хорошкевич А. Л.* (отв. ред.) et al. (ed.). Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. Т. I. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. XVI, 864 с.
- СмолГр — Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Подготовили к печ. Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 137 с.
- HUB I — Hansisches Urkundenbuch. Bearb. v. K. Höhlbaum. Bd. I. Urkunden von 975 bis 1300. Halle: Verl. d. Buchh. d. Waisenhauses, 1876. XVIII S., [1] Bl., 523 S.
- LUB I — цитируется как [Bunge 1953], см. ниже.
- Treaty — Schaecken J. The 1229 Treaty between Smolensk, Riga and Gotland (version A). [Электронный ресурс] URL: <http://www.schaeken.nl/lu/research/online/editions/1229/index.html> (дата обращения: 18.09.2020).

СЛОВАРИ

- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–XII. М.: Русский язык – Азбуковник – ЛЕКСПУС, 1988–2019–.
- СлРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. М.: Наука – Азбуковник – Нестор-История – ЛЕКСПУС, 1975–2019–.
- ССС — Словарь старославянского языка. Репринт. изд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. Т. 1–4.

ЛИТЕРАТУРА

- Борковский В. И.* Смоленская грамота 1299 года — русский памятник // Уч. зап. Яросл. гос. пед. ин-та. Вып. 1. Гуманитарные науки. 1944. С. 27–46.
- Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV ст. Киев: Тип. Имп. Ун-та Св. Владимира, 1895. II, 334, II с.
- Евстифеева Р. А.* Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях Новгородской первой летописи // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 162–202.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки слав. культуры, 2004. 872 с.
- Зимин А. А.* 1229 г. Договор («Правда») Смоленска с Ригою и Готским берегом // Зимин А. А. (сост.). Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV в.в. Сер.: Памятники русского права. Вып. 2. М.: Гос. изд-во юридич. лит-ры, 1953. С. 54–98.
- Иванов А., Кузнецов А.* Смоленско-рижские акты: XIII в. – первая половина XIV в.: Документы комплекса *Moscovitica – Ruthenica* об отношениях Смоленска и Риги. (Исторические источ-

- ники. Вып. 6). Рига: Латв. ГИА. Латв. об-во архивистов. Институт исследования Латгалии ДУ, 2009. 768 с.
- Кривко Р. Н.* Западно-церковнославянское *чьсть* 'церковное торжество' в истории древней славянской христианской терминологии // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2020. № 8. С. 52–103.
- Крысько В. Б.* Родительный падеж // Крысько В. Б. (ред.). Историческая грамматика русского языка. Энциклопедический словарь. М.: Азбуковник, 2020. С. 387–390.
- Кучкин В. А.* О древнейших смоленских грамотах // История СССР. 1966. № 2. С. 103–114.
- Лерберг А. Х.* Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. Перевел Д. Языков. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1819. ЛП, 398 с.
- Литвина А. Ф.* Аренга: судьба латинской формулы в восточнославянских документах // Николаева Т. М. (отв. ред.): Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 315–351.
- Обнорский С. П., Бархударов С. Г.* Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. Л.; М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1938. 320 с.
- Петрухин П. В.* К вопросу о языке Смоленской договорной грамоты 1229 г. // От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко. М.: Языки славянских культур, 2012а. С. 477–488.
- Петрухин П. В.* О новом издании смоленско-рижских актов // Успенский Ф. Б. (отв. ред.). Именослов. История языка. История культуры. (Труды Центра славяно-германских исследований. Т. II.). М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2012б. С. 386–398.
- Петрухин П. В.* О датировке списка А договора Смоленска с Ригой и Готским берегом // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2012–2013). Москва: «Древлехранилище», 2013. С. 161–178.
- Петрухин П. В., Крысько В. Б.* Прошедшее время // Историческая грамматика русского языка. Энциклопедический словарь / под ред. В. Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2020. С. 355–368.
- Подтергера И. А.* Германское, латинское и церковнославянское в языке и тексте Смоленской грамоты 1229 г. // Русский язык в научном освещении. 2021. № 1. (В печати.)
- Ромодановская В. А.* Геннадиевская Библия // Православная энциклопедия. Т. 10. С. 584–588. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/162049.html> (дата обращения: 10.10.2020).
- Соболевский А. И.* Смоленско-полоцкий говор в XIII–XV вв. // Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. Т. 2. Статьи и рецензии. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 121–132.
- Bittner L.* Die Lehre von den völkerrechtlichen Vertragsurkunden. Stuttgart etc.: Dt. Verl.-Anst., 1924. XIV, 314 S.
- Bratishenko E.* On the authorship of the 1229 Smolensk–Riga trade treaty // Russian Linguistics. 2002. No 26. P. 345–361.
- Bunge F. G., von* (= Ф. А. Бунге). Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 1 (1093–1300). Reval: Kluge u. Ströhm (in Komm.); Dorpat: Druck. v. H. Laakmann, 1853. XII, 810 Sp., 190 S. [= LUB I].
- Goetz L. K.* Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters. (Abh. des Hamburgischen Kolonialinstituts. Bd. 37. Reihe A. Rechts- und Staatswissenschaften. Bd. 6). Hamburg: L. Friederichsen & Co, 1916. 386 S.
- Haye T.* Lateinische Oralität. Gelehrte Sprache in der mündlichen Kommunikation des hohen und späten Mittelalters. Berlin; New York: W. de Gruyter, 2005. VI, 176 S.
- Kiparsky V.* Fremdes im Baltendeutsch (Mémoires de la Société Néophilologique de Helsinki. T. 11.1). Helsinki: Société Néo-Philologique, 1936. 222 S.
- Kiparsky V.* Rezension zu: [Gertrud Schmidt, Das Eindringen der hochdeutschen Schriftsprache in der Rigaschen Ratskanzlei (Mitteilungen aus der baltischen Geschichte [N. F. der Mitteilungen a. d. livländischen Geschichte], herausg. von der Gesellschaft für Geschichte u. Altertumskunde zu Riga, 1. Band, 1. Heft) Riga, 1938. Verlag E. Bruhns, Buchhandlung, VIII + 88 Seiten in 8°, 17 Abbildungen der Handschriftenproben] // Neuphilologische Mitteilungen. 1939. Nr. 40.1. S. 83–87.
- Kiparsky V.* Wer hat den Handelsvertrag zwischen Smolensk und Riga vom J. 1229 aufgesetzt? // Neuphilologische Mitteilungen. 1960. Nr. 61.2. S. 244–247.

- Klenin E.* The Smolensk trade treaty of 1229 (copy A): observations on pragmatics, text boundaries, and orthographic variation // Русский язык в научном освещении. 2003. № 6.2. С. 247–259.
- Köbler G.* Mittelniederdeutsches Wörterbuch. 3. Aufl. 2014 (digitale Ressource: <https://www./mndwbhin.html> [08.10.2020]).
- Kunik A. A.* Anhang. № I. Handelsvertrag des Fürsten Mstislaw II. Dawydowitsch von Smolensk mit Riga und der niederdeutschen Handelsgesellschaft auf Gothland im J. 1229. Nach drei Redactionen. № II. Erneuter Handelsvertrag eines Fürsten von Smoelnsk mit Riga und Gothland, in welchem die gegenseitigen Rechte und Pflichten russischer und deutscher Kaufleute auf Grundlage des Vertrages von Mstislaw Dawydowitsch festgestellt werden. (Ohne Datum, zwischen 1230–1270, vielleicht von einem Fürsten Rostislaw zwischen 1240–1250 abgefasst.). In: Napiersky 1868. S. 403–453.
- Lehrberg A. Chr.* Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands. St. Petersburg: Kaiserliche AkdW, 1816. XXXIV, 462 S.
- Napiersky K. E.* Russisch-livländische Urkunden. St. Petersburg: Druckerei der Kaiserlichen AkdW, 1868. XXIII, 462 S.
- Peters R.* Das Mittelniederdeutsche als Sprache der Hanse // Peters R. Mittelniederdeutsche Studien. Gesammelte Schriften 1974 bis 2003. Hrsg. v. R. Langhanke. Bielefeld: Verl. für Regionalgeschichte, 2012. S. 279–297 [Erstveröffentlichung: 1986].
- Peters R.* Sust – Sost – Saust // Peters R. Mittelniederdeutsche Studien. Gesammelte Schriften 1974 bis 2003. Hrsg. v. R. Langhanke. Bielefeld: Verl. für Regionalgeschichte, 2012. S. 169–188 [Erstveröffentlichung: 1998].
- Petrukhin P.* War der deutsch-russische Vertrag von 1229 das erste Dokument in mittelniederdeutscher Sprache? // Niederdeutsches Jahrbuch. 2013. Nr. 136. S. 7–19.
- Schaeken J.* Zu *ode* im altrussischen Handelsvertrag zwischen Smolensk, Riga und Gotland (1229) // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2001. Nr. 60.1. S. 1–8.
- Schirren C.* [= K.]. Nachricht von Quellen zur Geschichte Russlands, vornehmlich aus schwedischen Archiven und Bibliotheken. (Sonderdruck: Aus dem Bulletin de l'Acad. Imp. des sc. T. II, p. 446–501). St. Petersburg: Eggers et Comp., 1860. 80 S.
- Schlüter W.* Zwei Bruchstücke einer mittelniederdeutschen Fassung des Wisbyschen Stadtrechtes aus dem 13. Jahrhundert // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. 1908. Nr. 18.2. S. 487–553.
- Schulze U.* Studien zur Erforschung der deutschsprachigen Urkunden des 13. Jahrhunderts. Berlin: E. Schmidt Verlag, 2011. 248 S.
- Tobien E. S.* Die Handels-Verträge Riga's und Gothland's mit Smolensk, vom Jahre 1228 und 1229 n. Chr. // Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des russischen Rechtes. Bd. I. Die Prawda Russkaja und die aeltesten Tractate Russlands / Hrsg. von E. S. Tobien. Dorpart; Leipzig: Verlag v. O. Model, 1845. S. 42–72.
- Ziffer G.* Per lo studio del lessico del *Vangelo di Nicodemo* paleoslavo // Iter philologicum. Festschrift für Helmut Keipert zum 65. Geburtstag / Hrsg. von D. Bunčić, N. Trunte. (Die Welt der Slaven. Sammelbände / Сборники. Bd. 28). München: Verlag O. Sagner, 2006. S. 263–275.